

Беседа с последним Министром обороны СССР.

Корр.: Дмитрий Тимофеевич, Ваше последнее интервью вызвало в интернете множество откликов. Приведу несколько из них.

«Поднять страну от сохи, разбить самую сильную армию Европы, ускорить создание атомной бомбы - заслуга этого Великого Человека! Враги России пытаются очернить Вождя, но народ не обманешь...»

«Никто из антисталинистов никогда не отвечал на два простых вопроса: как без коллективизации можно было индустриализовать огромную страну, тонущую в разрухе? И что было бы с миром, если бы Сталин не успел создать мощную промышленность до начала войны?»

«Должны были пройти годы, пока не оказалась разоблачена ложь Хрущёва. Он врал о Сталине если не в каждом слове, то в каждой строке своего подлого доклада. Причём реальные цифры этот подлец знал»

«Как жаль, что такие люди, как Сталин, так редко приходят в этот мир. Как его сейчас нам не хватает, как не хватает»

Д.Т.Язов: Не могу судить обо всей переписке в интернете, но из того, что я прочитал, вырисовывается довольно любопытная картина. Лагерь сталинистов - а они оказались в большинстве - отличается от соперников более высокий интеллектуальный уровень.

Вместо аргументов они не используют ложь. Их доводы основаны на серьёзных доказательствах, подкреплены авторитетными источниками. Противоположная сторона чаще берёт нахрапом, не считаясь ни с логикой, ни с фактами. Один из таких антисталинистов сделал прямо-таки сенсационное открытие: якобы при Сталине «Россия лишилась Казахстана и Карелии». И далее этот «знаток» истории делает безапелляционный вывод: «Никогда Россия не терпела таких территориальных поражений, как при нём». Человек, видимо, перепутал Сталина с Ельциным. Но отметить захотелось: мол, и я против кровавого диктатора!

Для сравнения приведу образец аргументации из лагеря сталинистов. Разговор идёт о репрессиях. А это, как известно, любимый конёк наших либералов.

«Не может идти и речи о влиянии репрессий на снижение боеспособности Красной Армии из-за незначительности их масштабов по сравнению с общей численностью офицерского корпуса...» И далее автор ссылается на публикацию в «Российском историческом журнале», которая полностью подтверждает его точку зрения.

Корр.: По поводу репрессий есть мнение видного английского политика лорда Бивербрука: «Теперь уже ясно, что те, кого расстреливали, предали бы Россию немцам». Жестокие слова. Но и время было такое.

Д.Т.Язов: Видимо, нам никуда не уйти от этой темы. Либералы твердят, что злодей Сталин погубил цвет Красной Армии. При этом молчат, что этот цвет был активным участником военного заговора. Причём незадолго до предстоящей войны с Германией. Что же касается якобы катастрофических последствий для армии и страны устранение таких деятелей, как Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Кокорь, Блюхер и некоторые другие, то послушаем мнение человека, который вместе с Жуковым и Рокоссовским брал Берлин. Я имею в виду Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Вот как он развивал интересующую нас тему в разговоре с Константином Симоновым. Интересующихся адресую к книге писателя «Глазами человека моего поколения».

Если оценивать военный опыт, военный уровень и перспективы этих людей, - считает маршал, - то тут нужно подходить индивидуально к каждому.

Он так и делает. Начинает с Блюхера, который, по его мнению, был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего. Человеком, который по уровню своих знаний недалеко ушёл от гражданской войны. Представить себе, что он справился бы в современной войне с фронтом, невозможно... Во всяком случае, такую небольшую операцию, как Хасанские события, Блюхер провалил.

Тухачевский, - считает Иван Степанович, - был человеком даровитым, сильным, волевым, теоретически хорошо подготовленным. К его недостаткам принадлежал известный налёт авантюризма, который проявился ещё в польской кампании. Но главным недостатком было то, что он не прошёл ступень за ступенью военную лестницу...

Якир, по мнению маршала, человек со способностями, но без настоящей военной школы, без настоящего военного образования. Его Конев с трудом представляет себе в роли командующего фронтом на Великой Отечественной войне.

Егорова и Корка он считает людьми средних способностей, не блиставшими сколько-нибудь заметными военными дарованиями.

Дыбенко и Белова он относит к той категории людей, которые в военном отношении целиком в прошлом, и, будь они живы, они были бы обречены на то, чтобы показать в условиях большой войны свою отсталость и беспомощность.

Из всех перечисленных военачальников - Конев отдаёт предпочтение Уборевичу, «умевшему смотреть вперёд и воспитывать кадры» Он мог во время войны быть «на одной из ведущих ролей в армии».

Как говорится, комментарии излишни.

В том же разговоре с Симоновым Конев сказал буквально следующее:

- К началу войны он безгранично верил Сталину, любил его, находился под его обаянием.

Корр.: Обидно, что многие из них к моменту воцарения Хрущёва неожиданно «прозрели» и стали сочинять о своём Верховном Главнокомандующем разные небылицы. Но эта тема - для другого разговора.

Д.Т.Язов: Да, мы с Вами изрядно отвлеклись. Уговор был поразмышлять о Сталине не только как о гениальном политике и выдающемся полководце, но и как о блестящем дипломате. А для этого ярчайшей иллюстрацией служит работа трёх конференций глав государств антигитлеровской коалиции.

Корр.: Начнём с первой из них - с Тегеранской. Её называют победой дипломатического курса Сталина. Вы согласны?

Д.Т.Язов: Согласен. Но о конференции - позже. Не будем забывать, что идёт война. Два года мы сражаемся один на один с гитлеровской армадой. Союзники обещали открыть второй фронт весной или летом 1942 года. Но никаких подвижек в этом направлении не наблюдалось. За это время мы успели не только разбить немцев под Москвой, но и одержать триумфальную победу под Сталинградом. В январе 1943 года американский журнал «Тайм» назвал Сталина «человеком года», поместив на его обложке портрет нашего Верховного Главнокомандующего. А английский историк Джеффри Робертс писал в те дни: «Сталинградская битва стала сигналом того, что немцы неизбежно потерпят поражение на Восточном фронте и что Советский Союз после войны станет самой мощной державой в континентальной части Европы. Баланс сил сместился к Москве, а Лондон и Вашингтон сделали младшими партнёрами по альянсу».

Корр.: Вы не находите, что это слишком оптимистичный прогноз. Реальную позицию наших союзников вполне откровенно выразил сенатор Гарри Трумэн, будущий президент Соединённых Штатов. «Если мы увидим, - сказал он, - что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии и таким образом пусть они убивают друг друга как можно больше». Так они и действовали пока Сталин, грубо говоря, не взял их за горло и не вынудил открыть второй фронт... в июне 1944 г., меньше, чем за год до окончания войны.

Д.Т.Язов: С этим не поспоришь. Но блестящая победа Красной Армии на Курской дуге внесла серьёзные коррективы в наши отношения с союзниками. Эта битва стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Под Курском немцы решили взять реванш за Сталинград. Это была их первая наступательная операция на Восточном фронте в 1943 году. Ей дали название «Цитадель». «На направлении главных ударов, - заявил Гитлер, - должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов.... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира». Были созданы две ударные группировки: одна - южнее Орла, другая - в районе Белгорода. Их задача - нанести два встречных удара в направлении Курска, чтобы окружить и разгромить наши войска. На этом участке они сосредоточили огромные силы. Группировка насчитывала 900 тысяч солдат и офицеров, 50 отборных дивизий, включая 16 танковых и моторизованных, до 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков и штурмовых орудий, 2000 самолётов. На вооружение были получены новые танки «Тигр» и «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд».

Назначив дату наступления - 5 июня, Гитлер самодовольно заявил, что Советский Союз в результате понесённых громадных потерь в предыдущих боях «Должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию».

Корр.: Я знаю, что вопреки хвастливым заявлениям Гитлера, под Курском мы превосходили немцев и в живой силе, и в технике. Но насколько?

Д.Т.Язов: Наша группировка насчитывала 1,3 миллиона человек, до 20 тысяч орудий и минометов, более 3-х тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, 2650 самолётов.

Корр.: Не удержусь от реплики. Эту мощь обеспечили заводы, переброшенные на восток из западных районов страны. Заботами, между прочим, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Д.Т.Язов: Продолжу. Противнику противостояли два наших фронта: Центральный, которым командовал генерал армии Константин Константинович Рокоссовский и Воронежский во главе с генералом армии Николаем Фёдоровичем Ватутиным. В резерве находился Степной фронт. Им командовал генерал армии Иван Степанович Конев. Здесь тоже были сосредоточены серьёзные силы.

Ставка Верховного Главнокомандования тщательно и скрупулёзно разработала предстоящую операцию. Тут я бы обратил внимание на такую деталь. Если нашей разведке было известно о планах гитлеровцев, то в отношении нас они были в полном неведении. Наша сторона выбрала тактику преднамеренной обороны. С тем, чтобы в ходе немецкого наступления измотать и обескровить противника, выбить его танки, а затем перейти в контрнаступление.

При попытке немцев выйти к Курску в районе Прохоровки разыгралось самое грандиозное танковое сражение Второй мировой войны. По некоторым оценкам в нём одновременно участвовало с обеих сторон до 1500 танков и самоходных артиллерийских установок. Но прорвать нашу оборону и захватить Прохоровку немцам не удалось. Курская битва закончилась полным разгромом немецких войск, а 5 августа 1943 года Москва впервые сначала войны салютовала войскам, освободившим Орёл и Белгород, 12-ю артиллерийскими залпами из 120 орудий.

6 ноября 1943 года, выступая с традиционным докладом, посвященном Октябрьской революции, Иосиф Виссарионович сказал: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Представляют интерес и оценки немецкой стороны. Генеральный инспектор бронетанковых войск Германии Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» признавал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя... И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Корр.: Доставила ли эта победа радость нашим союзникам?

Д.Т.Язов: 6 августа 1943 года Рузвельт в специальном послании Сталину писал: «В течение месяца гигантских боёв Ваши вооружённые силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия... Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами». Более сдержанно отметил Черчилль: «Три огромных сражения - за Курск, Орёл и Харьков, все проведённые в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте».

Откровеннее по поводу наших побед высказался бывший премьер Южно-Африканского Союза СМЭТС. 31 августа он отправил Черчиллю послание, в котором не смог скрыть своего беспокойства: «Рядовому человеку должно казаться, что войну выигрывает Россия. Если такое впечатление сохранится, то каково будет наше положение на международной арене после войны по сравнению с положением России? Наше положение на международной арене может легко измениться, и Россия станет дипломатическим хозяином мира».

Корр.: Накануне Тегеранской конференции все козыри были в руках у Сталина. А значит перспектива открытия второго фронта была, как никогда близка?

Д.Т.Язов: Вот здесь я бы воздержался от иллюзий. С победой под Курском они нас поздравили, но с открытием второго фронта не торопились. Главные баталии на конференции разгорелись как раз вокруг этого вопроса. Но я бы хотел вернуться немного назад. Дело в том, что до конференции Рузвельт делал попытки встретиться со Сталиным ещё в конце 1942 года. Но Иосиф Виссарионович их отвергал, ссылаясь на занятость. Вот как увещевал американский президент нашего вождя в одном из своих писем: «Я глубоко разочарован тем, что Вы не считаете возможным отлучиться в январе на совещание. Имеется много вопросов жизненно важного значения, которые должны быть обсуждены...» Обратите внимание на дату: 8 декабря 1942 года. Ещё не завершена Сталинградская битва. С чем ехать на совещание? Сталину нужны были серьёзные аргументы, а их могла обеспечить только победа. Как та, что позже случилась на Курской дуге.

Корр.: И тогда он в утешение Рузвельту отправил необычный подарок. Комедию Александра «Волга-Волга».

Д.Т.Язов: Иосиф Виссарионович в очередной раз подтвердил репутацию остроумного человека. Просмотрев фильм, Рузвельт пришёл в недоумение: что же скрывается за сталинским подношением? Решили подвергнуть текст фильма более тщательному переводу. В итоге обнаружили, что один из героев напевает песенку с такими словами:

«Америка России подарила пароход -

С носа пар, колёса сзади

И ужасно, и ужасно, и ужасно тихий ход».

В такой ненавязчивой манере было выражено недовольство медленным ходом поставок по ленд-лизу и постоянными переносами сроков открытия второго фронта.

Корр.: Но вот Сталин, наконец, дал согласия на встречу. Обстановка была благоприятной. Наши войска дополнительно освободили Смоленск, Новороссийск, полностью очистили от немцев Таманский полуостров и неудержимо двигались к Днепру. В разговоре со своим сыном Элиотом Рузвельт заметил: «Если у русских и дальше так пойдут дела, возможно, будущей весной и не потребуются второй фронт». Интересно, чего больше в этой оценке: радости по поводу наших успехов или опасения оказаться у разбитого корыта?

Д.Т.Язов:Т Я думаю, здесь налицо типичный американский прагматизм. Рузвельт понимал, что дело может кончиться тем, что русские возьмут Берлин. А он на этот счёт высказался однозначно: «Берлин должны взять Соединённые Штаты».

Корр.: У меня с давних пор с Тегеранской конференцией связана фраза из дневника Ивана Алексеевича Бунина, живущего в эмиграции: «Нет, вы подумайте, до чего дошло - Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай Бог, чего в дороге не случилось».

Д.Т.Язов: Ни в дороге, ни на самой конференции, слава Богу, ничего экстраординарного не случилось. Встреча трёх лидеров состоялась в Тегеране 28 ноября - 1 декабря 1943 года. Поначалу возникли некоторые трения по поводу места проведения встречи. Рузвельт предлагал Касабланку или Тунис, Черчилль - Лондон. Сталин настоял на Тегеране. Город находился недалеко от нашей границы, а условия военного времени диктовали необходимость Верховному Главнокомандующему постоянно поддерживать связь с наступающими войсками. Начальник оперативного управления Генштаба С.М.Штеменко, сопровождавший Сталина в Тегеран, вспоминал, что он три раза в день докладывал Иосифу Виссарионовичу о состоянии дел на фронте. Были случаи, когда Верховный Главнокомандующий напрямую связывался с командующими фронтами. Из Москвы постоянно приходили директивы, которые требовалось скрепить подписью Сталина. Связь безостановочно работала в обоих направлениях.

Корр.: В своей книге «Генеральный штаб во время войны» Штеменко приводит эпизод, связанный с его работой на конференции: «Меня с шифровальщиком разместили на первом этаже того же дома, где жил Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф. Вечером Сталин, отправляясь на прогулку, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

- Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли их устроить где-то получше?

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ».

Показательно, что всё случившееся Штеменко воспринял как нечто, само собой разумеющееся. Таков был сталинский стиль общения с подчинёнными, они это знали и никаких восторгов по этому поводу не выражали.

Д.Т.Язов: Первый день на конференции ознаменовался ещё одним переселением. По предложению Сталина, Рузвельт переехал из американского посольства в надёжно охраняемое советское.

Корр.: Это диктовалось соображениями безопасности или тут был, как подозревал Черчилль, хитрый дипломатический ход?

Д.Т.Язов: Я думаю, в первую очередь необходимость переезда диктовалась соображениями безопасности. Хотя, наверное, нельзя исключать и второго. Во всяком случае, Черчилль, опасаясь, что Рузвельт «попадёт под обаяние Сталина» был недалёк от истины. На конференции американский президент по многим вопросам поддерживал Сталина. На нашей стороне он оказался и при окончательном решении вопроса по второму фронту. Уезжая из Тегерана, Рузвельт в благодарственном письме советскому вождю признавал: «Там мне было не только в высшей степени удобно, но я также вполне сознаю, насколько больше мы смогли сделать в короткий период времени, благодаря тому, что мы были столь близкими соседями во время нашей встречи».

Корр.: А что же насчёт опасности? Была ли она серьёзной или надуманной?

Д.Т.Язов: Сошлюсь на точку зрения Валентина Бережкова, бывшего на конференции переводчиком Сталина. В его книге «Тегеран 1943» есть глава «Предупреждение из ровенских лесов». Автор рассказывает, что первые сведения о готовившемся покушении на участников Тегеранской конференции, поступили из района Ровно. Там в глубоком тылу действовала специальная группа, в которую входил наш легендарный разведчик Николай Кузнецов. Ему удалось узнать, что планируется операция под кодовым названием «Большой прыжок». Возглавить её должен был знаменитый итальянский диверсант Отто Скорцени. Главной целью акции было похищение Рузвельта. Якобы для того, чтобы «фюреру было легче сговориться с Америкой». Можно было бы посчитать это чьей-то досужей фантазией, но в 1966 году сам Скорцени подтвердил, что у него было действительно такое поручение.

Информация, полученная от Николая Кузнецова, подтверждалась и другими источниками. О полученных сведениях сообщили в Москву. Были приняты соответствующие меры. И, видимо, одна из них - переселение Рузвельта под более надёжную крышу. А поселился президент в американской миссии, находившейся на окраине города, неизвестно чем бы это могло закончиться. Президентскому кортежу пришлось бы по нескольку раз в день ездить на переговоры по узким городским улицам, представляя удобную мишень для террористов.

Корр.: Выходит, Иосиф Виссарионович, обеспечил своему американскому коллеге не

только удобное жильё, но и уберёг от возможной беды.

Д.Т.Язов: На конференции не было официально утверждённой повестки дня. Каждый из участников поднимал те вопросы, которые интересовали его страну. Всеобщее внимание было приковано к Сталину. Его поведение на переговорах производило большое впечатление на окружающих. Он был спокоен, уравновешен, остроумен. «Мы сразу почувствовали, - делился своими впечатлениями американский адмирал Леги, - что имеем дело с исключительно умным человеком, который убедительно говорил и был преисполнен решимости добиться того, что он хотел для России. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, доброжелательным и учитывающим точки зрения его двух коллег до тех пор, пока один из них не выдвигал какую-либо идею, которую Сталин считал неприемлемой с точки зрения советских интересов. В таких случаях он мог говорить правду в глаза вплоть до колкостей.

Коор.: Говорят, по дороге на конференцию Сталин заметил: «Главный вопрос, который решается сейчас, будут они помогать нам или нет?». Помогать - это открыть уже обещанный второй фронт. Но именно этот вопрос и вызвал самые ожесточённые споры...

Д.Т.Язов: Основная схватка шла между нашей делегацией и Черчиллем. Сталин настаивал на вторжении союзников через Ла-Манш в северную Францию. Это был ближайший путь до Берлина. У Черчилля был другой вариант: главный удар наносить из Италии. Сталин разгадал этот манёвр. Его целью было не допустить Красную Армию в Австрию, Румынию, Венгрию.

Достоин удивления - с каким терпением и выдержкой вёл эти переговоры глава советской делегации. Наконец, он не без сарказма произнёс: «Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Овер лорд, или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?» Черчилль опять уклонился от прямого ответа. Тогда Сталин, по словам Бережкова, резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «Идёмте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте». Черчилль заёрзал в кресле, покраснел и невнятно пробормотал, что его не так поняли.

Было ясно, что он проиграл. Рузвельт в этом споре был на стороне Сталина. Ему очень важно было заручиться нашей поддержкой в войне с Японией. Американские генералы

подсчитали, что без помощи Советского Союза потери их войск составят более миллиона человек. Сталин обещал помочь, но тут же оговорил условия, на которых это будет осуществлено. В первую очередь, он потребовал возврата нам Южного Сахалина и Курильских островов.

Корр.: Мне в этой связи вспоминается рассказ адмирала Ивана Степановича Исакова. Дело было на каком-то военном приёме у Сталина задолго до Тегеранской конференции. Присутствующие подвыпили. И вот, пребывая в таком «приподнятом» состоянии, Иван Степанович подошёл к вождю, взял его под руку и подвёл к висевшей на стене огромной карте.

- Без Южного Сахалина, - сказал он Иосифу Виссарионовичу, - там, на Дальнем Востоке, большой флот строить бессмысленно. Пока мы не возвратим Южный Сахалин, до тех пор у нас не будет выхода в океан.

Сталин его спокойно выслушал и ответил: «Подождите, будет Вам Южный Сахалин». Подвыпивший Исаков не унимался, настаивал на своём. Тогда Сталин, обращаясь к окружившим их людям, сказал:

- Вот, понимаете, требует от меня Исаков, чтобы мы обладали Южным Сахалином. Я ему отвечаю, что будем обладать, а он не верит мне.

«Этот разговор, - заключил свой рассказ Исаков, - вспомнился мне потом, в сорок пятом году. Не мог не вспомниться».

Д.Т.Язов А помните сталинские слова после победы над Японией: «Поражение русских войск в 1904 году., оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил» Сталин был превосходным знатоком истории. И это своё знание он успешно применял в спорах с оппонентами. Так, когда в Тегеране зашла речь о будущем Прибалтийских государств, Сталин твёрдо заявил, что они должны вернуться в состав СССР. У союзников на этот счёт были серьёзные сомнения. Иосиф Виссарионович развеял их с помощью очередного экскурса в историю.

«Литва, Эстония, Латвия, - сказал советский руководитель, - не имели автономий до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопрос о выходе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

Как говорится, союзникам нечем было крыть. Вопрос решился в пользу Советского Союза».

Корр.: Ещё одним камнем преткновения была Польша. Как решался вопрос с ней?

Д.Т.Язов: Черчилль и Рузвельт внесли в повестку дня вопрос о восстановлении наших отношений с польским правительством в изгнании. Оно находилось в Лондоне и было враждебно настроено по отношению к Советскому Союзу. Сталин во время переговоров продемонстрировал листовку «лондонских» поляков с изображением двуликого Януса с лицами Гитлера и Сталина. Были и другие примеры явно недружественного характера. Советский руководитель заявил, что он не потерпит превращения Польши в плацдарм для антисоветских авантюр. На нашей границе должно быть дружественное нам государство.

Корр.: Тогда же, насколько я помню, остро встал вопрос о восточной границе с Польшей?

Д.Т.Язов: По пакту Молотова - Риббентропа к нам отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Сталин не собирался терять эти приобретения. После долгих споров договорились провести границу по так называемой «линии Керзона». Её утвердил в 1919 году Верховный Совет Антанты, а название она получила по имени министра иностранных дел Англии лорда Керзона.

В целом эта линия совпадала с границей 1939 года. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но Черчиллю захотелось «отхватить» для своих польских друзей город Львов. Они представили карту, по которой «линия Керзона» якобы проходила восточнее Львова, а значит город входил во владения Польши.

Корр.: Я знаю эту историю. Сталин тогда красиво «утёр» нос англичанам. Зная с кем имеет дело, он, отправляясь в Тегеран, попросил Молотова на всякий случай захватить подлинник той старой карты. Там, естественно, было зафиксировано, что Львов отходит к СССР. Для большей убедительности был продемонстрирован текст телефонограммы лорда Керзона, в котором перечислялись города, передающиеся России. В списке был и Львов. Черчилль возмутился: этот город был польским! На что Сталин спокойно заметил: а Варшава была русской. Так закончился этот спор. Последнее слово опять осталось за нашим вождём.

Д.Т.Язов: Да, знали бы сегодняшние львовские «западенцы» кому они обязаны своей территорией.

На конференции произошёл весьма неприятный инцидент. Опять, как говорится, отличились англичане. Так совпало, что день рождения Черчилля пришёлся на один из дней конференции. Именинник созвал гостей. Один за другим следовали дружеские тосты. Дошла очередь до начальника Генерального штаба Англии Алана Брука. Поднявшись с места, он заявил, что наибольшие жертвы в войне понесли англичане, что их потери превышают потери любого другого народа, что Англия больше других сражалась и больше сделала для победы. В ответ наступила неловкая тишина. Все знали, что это неприкрытая ложь, что основную тяжесть войны несёт Советский Союз, а собратья генерала второй год торпедируют открытие второго фронта.

Присутствующие ожидали, что сейчас разразится скандал.

Корр.: Может быть, расчёт и был на это: вывести Сталина из себя и таким образом поквитаться за дипломатические проигрыши англичан.

Д.Т.Язов: Но у них опять ничего не вышло. Сталин, как свидетельствуют очевидцы, встал, обвёл присутствующих посуровевшим взглядом и спокойно произнёс ответный тост:

- Я хочу сказать о том, что сделали для победы президент Рузвельт и Соединённые

Штаты. В этой войне главное - машины. Они могут производить ежемесячно 8-10 тысяч самолётов, Англия - 3 тысячи. Следовательно, Соединённые Штаты - страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну.

И не слова о том, чей вклад больше. Вот так, я бы сказал, утончённо, Сталин ответил на провокационную выходку английского генерала. Между прочим, английский военный историк Тейлор констатировал: «В Англии до 1942 года вероятность того, что солдат в армии получит телеграмму о гибели жены от бомбы, превышала вероятность того, что жена получит телеграмму о гибели мужа в бою».

Корр.: Хочу напомнить, что были на конференции и приятные моменты. Именно там состоялось историческое вручение «меча Сталинграда», дара английского короля Георга VI жителям легендарного города. Вы упоминали об этом подарке в одном из предыдущих интервью.

Д.Т.Язов: Да, но тогда это была только информация, а на конференции все стали свидетелями торжественного момента. Сталин принял меч от Черчилля, поцеловал его и передал Ворошилову.

Шёл третий день конференции. 30 ноября был, наконец, решён вопрос об открытии второго фронта. Вот как описывает этот волнующий момент Валентин Бережков: «Когда руководители трёх держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчёркнутой торжественностью заявил:

- Господа, я намерен сообщить Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединённые штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее решение: «Операция «Овер лорд» намечена на май 1944 года».

Обратите внимание на реакцию Сталина: «Я удовлетворён этим решением, - спокойно произнёс он. А потом ещё добился, чтобы на конференции был назначен человек, отвечающий за ход намечавшейся операции. Им стал американский генерал Эйзенхаузер. В свою очередь советский руководитель пообещал, что к моменту начала

десантной операции во Франции, русские подготовят сильный удар по немцам.

Корр.: Я читала, что обстановка на конференции стала менее напряженной. Сталин и Черчилль продолжали обмениваться колкостями, но в них уже было больше добродушия, чем язвительности. Вот один из таких образчиков.

На замечание Иосифа Виссарионовича, что финны должны выплатить нам репарации за ущерб от войны, Черчилль беззлобно подколот собеседника: а как же, мол, лозунг большевиков «Мир без аннексий и контрибуций?» В ответ услышал: «Я же говорил Вам, что становлюсь консерватором».

Д.Т.Язов: На конференции была затронута проблема послевоенного будущего Германии. Союзники настаивали на расчленении страны и создании на её территории множества карликовых государств. Сталин считал, что «решение германской проблемы надо искать не на путях уничтожения германского государства, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию, а на путях её демилитаризации, с неременной ликвидацией фашизма, вермахта и передачей преступных руководителей «третьего рейха» под суд народов».

Договорились передать решение этих вопросов в трехстороннюю комиссию. А Тегеранская конференция завершала свою работу. Было намечено ещё одно заседание на 1 декабря, но погода стала портиться, подул шквалистый ветер, небо заволкло тучами. Решили не задерживаться. Итоговую декларацию приняли без обсуждения. Но она ни у кого из участников не вызвала сомнений. В ней говорилось: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки в море и разрушить их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим. Мы уверенно ждём того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действиям тирании и в соответствии со своими различными стремлениями».

После конференции, прощаясь со Сталиным, Рузвельт сказал: «Я считаю, что мы проделали здесь хорошую работу». На что его собеседник заметил: «Теперь уже никто не усомнится в том, что победа будет за нами».

Корр.: Мне понравился итог, который подвёл главнокомандующий ВМС США адмирал Кинг: «Сталин точно знал, чего он хочет, когда приехал в Тегеран, и он этого добился».

Значит, не будет преувеличением считать Тегеранскую конференцию дипломатическим триумфом Иосифа Виссарионовича?

Д.Т.Язов: Безусловно. Сталин получил всё, на что рассчитывал: и открытие второго фронта, и границу по «линии Керзона», и возврат прибалтийских республик. Было удовлетворено также требование Сталина о передаче нам после войны Кенигсберга. В ответ Верховный командующий согласился объявить войну Японии не позднее трёх месяцев после победы над Германией.

Рузвельт тоже был доволен. В своём выступлении по радио после возвращения с конференции он сказал: «Я хорошо поладил с маршалом Сталиным... Думаю, что он является подлинным выразителем дум и чаяний России, и я убеждён, что мы сумеем очень хорошо поладить с ним и с русским народом и впредь».

Спасибо, Дмитрий Тимофеевич, и за интервью, и за Вашу позицию. Надеюсь, что мы продолжим наш разговор. За Вами - Ялтинская и Потсдамская конференции.

Д.Т.Язов: И Победа!

Корр.: Согласна.

Беседу вела Галина Кускова